

контрабанды вторично въезду в Гужир, за местных стражников не могу ручаться, так как они соучастники контрабанды» (*Там же, л. 5*).

Итак, соучастие лиц привлеченных к таможенной службе в контрабандных операциях, или их преступное бездействие при исполнении служебных обязанностей с самого начала беспокоило таможенные власти. Особое порицание вызывало у таможенников поведение казачьего отряда, привлекаемого для охраны таможенной линии.

Е.А. СТРЕКАЛИНА

ИЗ ОПЫТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНЫХ ПРАВЛЕНИЙ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVIII–XIX ВВ.

На протяжении XVIII–XIX вв. правительство неоднократно реорганизовывало административно-территориальное устройство Сибири. Целью всех преобразований был поиск оптимальных систем управления, более жесткая централизация и субординация, стремление к законности и правопорядку. Осуществляя реформы, правительство неизменно рассматривало Сибирь как неотъемлемую составную часть Российской империи. Но в XIX в. нижней административно-территориальной единицей остается волость.

Волостное управление как исполнительного органа, имеющий характер контрольно совещательного учреждения, состоял из следующих лиц:

- волостного головы и старшины;
- сельских старост;
- сборщиков податей;
- писаря.

На деле волостное правление продолжало оставаться орудием высших административных инстанций. Если посмотреть наказания, которые достаточно подробно регламентировали действия местной администрации и трудовой жизни крестьянина, найдется не мало свидетельств и подконтрольности их не только в этих сферах, но вплоть до сугубо личной жизни. Например, с 12 июня 1889 г. было установлено обязательным утверждение волостных приговоров органами надзора, по которому земские и волостные начальники могли подвергаться со стороны должностных лиц волости без формального производства выговорам, штрафам до 5 р. и аресту до 7-ми суток.

Волостной голова мог быть назначен только из благонадежных крестьян, его кандидатура утверждалась министром гос.имуществ. Уволить голову можно было только с разрешения начальника губернии.

В решение волостного правления входили дела личного и денежного характера, причем основную массу дел решал сам волостной голова (по регламенту возраст волостного головы не может быть младше 25 лет).

Многие мелкие проблемы сельчан обычно решались на местах сельскими старостами, однако со временем роль старост и вообще «мира» на селе сошла на нет. Мелочная регламентация их действий заставляла страховать от того, чтобы дело не ушло в вышестоящие инстанции, они старались держать совет с начальством даже тогда, когда могли обойтись своей властью. В итоге люди начали решать проблемы прямо в волости, поэтому в конторах волостей скапливались горы кляузных бумаг.

Н.В. Астырев выделяет два типа старост на Руси по характерам — «смирные» и «начальники». В старосты, да и в целом в мирские дела, шли, как правило, старики от больших семей; те, кто «рукоремесло» имел; тот, кто побогаче и сдавал земли внаем; также это могли быть младшие дети в семье, не получившие от дома полного надела. Истинные земледельцы старались открутиться от подобных обязанностей, так как труд на земле требовал много времени и сил (*Астырев Н.В. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1886*).

Совершенно удивительной по своему значению и отношению к ней была фигура еще одного участника в волостных делах — волостного писаря. Она привлекала любопытство не только исследователей крестьянского быта, но и многих литераторов, описывающих русский крестьянский уклад, своей самобытностью. Писарь не был материально ответственным лицом и не отчитывался перед обществом, хотя при неграмотности волостного головы именно он распоряжался мирской казной. Право земского суда утверждать и отстранять писарей, а также недостаток грамотных крестьян, вынуждали общество обращаться в земский суд с просьбой назначить в волость писаря, то есть фактически отказывались от права выбора.

В глазах мужиков писарь был «тонкой бестией, крючкотвором» (писари обычно имели образование, полученное в земских школах). «Сюртучные» и «клапотные» на Руси — это суть антагонисты на селе. Крестьяне с большим недоверием относились к ним. В большинстве случаев они совершенно справедливо считали, что тот, кто ведет все «хлебные дела» в волости, не может быть честным человеком вообще.

Хлебных дел у писарей было предостаточно. К нему шли кабатчики — засвидетельствовать общественные приговоры; народ — брать паспорта, вносить деньги; через него проходили иски в волостной суд, и он же писал приговоры и был секретарем на судах. Писарь заключал условия договоров с работниками и страховые договоры до 200–300 р., осуществлял взыскание за порчи посевов, и, наконец, он получал письма и газеты.

В служебные обязанности писарей входило: составление призывных списков (в среднем на 100–150 человек в год); контроль за опекой сирот;

статистические исследования; наблюдение за делом обучения в земских школах; контроль за санитарным состоянием примерно десяти тысячного населения; заведование «военно-конским участком»; составление списков присяжных и различных описей; проведение аукционов; преследование нарушителей строительного устава (ГАИО, ф. 300, оп. 1, д. 4).

Во время работы писарь выпускал до двух тысяч исходящих бумаг. Его обязанности охватывали несколько видов деятельности, знаний и наук. Хотя он должен был быть только заведующим канцелярией, писать бумаги и вести книги. Все делопроизводство лежало на писаре. Для полной картины ведения волостных дел он вел массу книг. Различные источники называют цифры наличия их от 6 до 66 штук. Хотя в соответствии с «Общим положением» по ведению канцелярских дел, содержащему правила на 90 страниц, обязательным было наличие 4-х книг.

Жалование сельский писарь получал от 30 до 50 р. (Там же, д. 6, л. 99). Это примерно составляло 500 р. в год (в городе человек такого уровня образования получал 300–600 р.) плюс дешевое жилье и пища, но народ на эту должность шел неохотно. Учитывая объем работы и то место, которое фактически занимал писарь в структуре государственной и крестьянской администрации, общество могло добровольно идти на увеличение жалования, но поскольку сбор жалования писарю свыше четырехсот рублей считался незаконным и не утверждался в казенной палате, то волостное правление вынуждено было либо составлять «темные тетради», либо проводить эту сумму как сбор на другие предметы, например, на содержание административного здания или на приобретения пожарного инвентаря. В основном на должность писаря шли бывшие военные, часто недоучки приходских и духовных училищ, дети пономарей и дьячков. Должность не требовала аттестации, но протекция должна быть непременно.

Но главное — это то, что писари были основными толкователями законов на селе. Именно они стали связующим звеном крестьянства с любой властью. Обладая огромной властью, писари часто были людьми с очень сомнительными нравственными устоями. В глазах начальства — это пария, с утра до вечера его выдерживали в приемных, обращались к нему на «ты». В людях, которые властвовали на огромных территориях, в итоге подавлялось чувство собственного достоинства, они становились раболепными в отношениях с начальством и высокомерными с людьми ниже их по положению. От подчиненных они добивались угодливости и с удовольствием принимали подношения в виде походов в трактир, денег и тому подобное. Начальству же подносили сами.

Обычно старшина и волостной писарь были дружны, потому что имели общие цели, главная из которых — ублажить начальство. Интересно, что если случалась тяжба писаря со старшиной, верх одерживал, как правило, писарь. Конечно, не все писари отвечали такой характе-

ристике. Были и такие, кто пытался противостоять мздоимству, не подписывал подложных документов и так далее. Но такие люди часто были вынуждены оставить работу «по желанию начальства».

При таком положении дел неудивительно, что крестьянскому населению в Сибири было неоткуда поучиться понимать свои права, узнать о том, что он полноправный гражданин земли Русской. Хотя были и такие крестьяне, которые пытались писать жалобы, но многие бумаги так и оставались без ответа или возвращались к тому же писарю.

Эффективность судебного разбирательства дел по злоупотреблениям, лихоимству чиновников и крестьянских выборных была весьма низкой, по причине существования «двойной бухгалтерии» в волостном правлении. Следственные дела тянулись по несколько лет.

К середине XIX в. слово «закон» уже получило гражданство, но в народе приобрело следующий оттенок: сделать по закону значило «сделать ловко», хорошо, не нарушив закона. Всесильная формулировка «закон требует» работала без сбоев, но иногда доходило до нелепостей. Например, было велено скот, падший от чумы, закапывать в ямы глубиной в 3 аршина. Яма такой глубины будет, но в нее положат трупы коров в три ряда невозможно, так как верхний слой будет лежать почти на поверхности. Закон — это то, что говорит начальство, суть закона — страх.

Таким образом, волостное управление принимало участие в решении многих общественных и личных вопросов. Но здесь выявляется ряд проблем, вызванных не только природой самодержавной формы власти, но и конкретными задачами организации управления в отдельном и малонаселенном крае.

Многие трудности, на которые вынуждено было наталкиваться правительство, были вызваны неравномерностью социально-экономического развития российских регионов, отсутствием необходимых финансовых и трудовых ресурсов. Несмотря на все попытки провести реформы структуры волостного правления, основа оставалась неизменной. Служащие волостного управления, такие как волостной голова, писарь, пользуясь служебным положением, брали взятки, выдумывали несуществующие законы, чтобы решить вопрос в пользу определенной стороны.

М. В. ТУШЕМИЛОВ

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ВЕРХНЕУДИНСКОЙ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ В XIX В.

Изучение организации и деятельности полицейского управления и проблем его реорганизации в XIX–начала XX вв., выявление места в административно-правоохранительной системе весьма актуально и в